

25-го марта, вторникъ, праздникъ Благовѣщенія. Часовъ въ 7 мы отправили съ о. Діонисіемъ и Сампсономъ Ивановичемъ и монахомъ нашъ багажъ на пароходъ. По возвращеніи ихъ, напившись чаю, пошли съ Алексѣемъ Степановичемъ въ Русское посольство. Здѣсь встрѣтилъ насъ Борисъ Амфіановичъ и провелъ въ помѣщеніе музея, помѣщающагося въ зданіи посольства на четвертомъ или пятомъ этажѣ.

Собраніе иконъ небольшое и мало интересное. Есть икона Спасителя 1^{1/2} аршина—съ двуперстнымъ сложеніемъ—и святителей Аѳанасія и Василия. Есть икона русскаго письма—пророкъ Илія. Нѣсколько рукописей богослужебныхъ—сербскаго письма и особо цѣнная рукопись греческая—бесѣды Іоанна Златоустаго на Матѳея; есть на французскомъ языкѣ—толкованіе законовъ, и пѣвчія—греческія. Немало скульптурныхъ бюстовъ и головъ и надгробныхъ памятниковъ; много христіанскихъ древнихъ свѣтильниковъ глиняныхъ съ ручкой и другихъ предметовъ, собранныхъ при раскопкахъ, произведенныхъ обществомъ. На наше желаніе пріобрѣсти альбомъ снимковъ съ мозаикъ и фресокъ „Хоры“, Борисъ Амфіановичъ посовѣтовалъ намъ прислать на обмѣнъ снимки съ иконъ Рогожскаго кладбища. Поблагодаривъ его, мы вышли на дворъ. Дворъ представляетъ собою крѣпость, которую дѣйствительно и охраняли русскія войска во время переворота въ Константинополѣ и сигналами сносились съ военными судами.

Спустившись на элеваторѣ, мы сѣли на трамвай и проѣхали къ Оттоманскому музею. Зданіе музея богатое и обширное. Здѣсь множество скульптуры въ поллинникахъ и единственный въ свѣтѣ саркофагъ Александра Македонскаго, открытый въ Сидонѣ. Чудныя — по исполненію и по тонкости работы — фигуры воиновъ. — какъ живыя, съ соответствующими моменту выраженіями лица. Саркофагъ имѣетъ форму языческаго храма съ крышей. Хорошъ саркофагъ „плакальщицъ“. Есть мумія—скелетъ—въ стеклянномъ ящикѣ; мумія—въ томъ видѣ, какъ она была завернута въ полотно и обвязана. Богатое собраніе султана Магомета: фаянса, сервизовъ, вазъ, столовъ и проч. Христіанскихъ древностей немного. Попадались скульптура въ видѣ плитъ надгробныхъ, или карнизовъ на храмахъ съ изображеніемъ Спасителя и святыхъ. Перстосложеніе есть и то и другое. Но кресты исключительно четвероконечные, съ широкими концами. Зашли и въ музей магометанскихъ древностей, бѣгло осмотрѣвъ его.

Потомъ вышли на площадь янычаръ—къ платану и здѣсь Алексѣй Степановичъ снялъ насъ на фонтъ Софіи и Ирины, и второй разъ съ ипподрома—тоже на фонтъ Софіи.

Возвратившись на трамваѣ домой, мы пообѣдали съ рыбою, очень хорошо приготовленной. Расплатились за содержаніе и простившись съ оо., пошли на пристань съ монахомъ. Въ лодкѣ насъ опять снялъ Алексѣй Степановичъ и мы подъѣхали къ „Одессѣ“ и заняли каюту. Противъ каюты на „Екатеринѣ“ эта показалась намъ очень неказистой: 4 койки и сѣсть негдѣ...

Около 4-хъ часовъ мы простились съ Константинополемъ и прошли мимо Стамбула съ одной стороны и мимо Скутари—съ другой. Погода благопріятствовала. Чрезъ часъ мы прошли мимо Санъ-Стефано и въ бинокль видѣли церковь-памятникъ надъ русскими воинами, павшими въ войну 1877 года. „Принцезы острова“ видѣли издали, и но они не произвели на насъ никакого впечатлѣнія. Съ красотой Босфора, говорятъ, ни одно мѣсто во всемъ свѣтѣ не можетъ сравниться.

26-го утромъ стояли на рейдѣ въ Дарданеллахъ; проливъ прошли ночью. Въ 3 часа стали у Митилены; островъ того же именованія принадлежитъ грекамъ и ихъ флагъ развѣвается на крѣпости; ихъ войска прошли по набережной съ музыкой; стоитъ ихъ же военный крейсеръ. Г. Митилена издали производитъ прекрасное впечатлѣніе—раскинувшись амфитеатромъ на склонѣ горъ среди зелени и кедровъ. Цвѣтутъ розы, какъ передавали съѣзжавшіе на лодкахъ; но грязноватъ. Имѣется бухта. Епископъ Мелетій, восхищенный видомъ Митилены, высказался, что если бы ему подлежала ссылка, то онъ избралъ бы эту мѣстность.

На пароходѣ мы познакомились съ сестрой милосердія—Маріей, которая 5 лѣтъ прослужила въ больницѣ въ Константинополѣ. Ѣдетъ въ Іерусалимъ, а потомъ въ Баръ-Градъ, гдѣ священникъ—ея родственникъ.

Она познакомила насъ съ болгаркой Екатериной Максимовной, служившей лѣтъ 20 сестрой милосердія и вышедшей замужъ за русскаго капитана, оставшагося въ Болгаріи послѣ Турецкой войны. Живутъ въ Софіи. Она въ 5-й разъ Ѣдетъ въ Іерусалимъ. Много рассказывала она про послѣднюю Балканскую войну, гдѣ участвовала въ качествѣ сестры милосердія. Первую войну, совмѣстную съ другими, она называетъ „благословенною“—все удавалось имъ. А послѣднюю—съ сербами и греками—„проклятою“. Въ послѣдней погибли ея сродники; народъ былъ противъ войны этой. Секретно она передавала епископу Мелетію, что у нихъ образовалось „Общество пособія паломникамъ“ и есть намѣреніе устроить подворье въ Іерусалимѣ. „Съ Богомъ“—можно сказать.

Капитанъ парохода—Димитрій Петровичъ Зарайковскій—въ первый же день предлагалъ намъ съ епископомъ Мелетіемъ, если тѣсно въ каютѣ, перейти въ первый классъ. Старшій механикъ—Михаилъ Дмитріевичъ Вавиловъ. Изъ Митилены мы вышли часовъ въ 12 ночи; спали уже. Вечеромъ просидѣли наверху до 10 часовъ воспѣвая разныя пѣснопѣнія; была лунная ночь, тихо, воздухъ морской, чистый—не хотѣлось уходить.

27-го четвергъ, въ 6 часовъ утра пришли въ Смирну. Масса лодокъ, и лодочники, какъ мухи, облѣпили пароходъ и босые полѣзли на него, цѣпляясь за веревки и по сходнямъ (трапу) побѣжали по пароходу, предлагая свои лодки, чтобы свезти на берегъ. Рѣшили и мы поѣхать посмотреть городъ св. Поликарпа и закупить провизіи. Нѣкій юркій г-нъ, хорошо говорящій по-русски, назвавшись грекомъ Семеномъ Петровичемъ, взялся свезти насъ на берегъ и обратно по 20 коп. съ человѣка и поводить

по городу и лавкам—по 10 коп. Мы пошли одѣваться. Въ это время обратился съ предложеніемъ другой, назвавшійся грекомъ—Николаемъ Ивановичемъ. Мы отвѣтили, что уже договорились и назвали—съ кѣмъ. Н. И. говоритъ: „это жидъ, а не грекъ“. И вотъ они сдѣпились браниться: „Зачѣмъ ты, кричишь Николай Ивановичъ, говоришь неправду, что ты грекъ?“—А скажи, развѣ я не Семенъ Петровичъ?—„Ты продаешь свою вѣру“.—А ты продаешь Крестъ!—Мы все-таки поѣхали съ Семеномъ Петровичемъ—онъ лучше говоритъ по-русски. Съѣхали на берегъ, прошли свободно чрезъ таможеню. Набережная очень хорошая: вымощена камнемъ, по всему берегу ходить конка—въ одну лошадь. Много въ бухтѣ судовъ, а на рейдѣ—3 дредноута австрійскихъ. Городъ принадлежит туркамъ. По берегу много кофеенъ, съ открытыми террасами и даже со столиками прямо на тротуарѣ. Прошли чрезъ такую кофейню на улицу французскую, гдѣ расположены европейскіе магазины. Чисто, но улица узкая. Зашли въ греческую церковь св. Фотиніи. Служили часы; одинъ монахъ или священникъ читалъ, вѣроятно „славу“—„произнося“: „киріе елейсонъ“—много разъ; но слышалось: „кирисойнъ, кирисойнъ“.

Заглянули въ олтарь; священникъ въ патрахили предъ престоломъ, за которымъ стоялъ крестъ, говорилъ молитву, съ земными поклонами вѣроятно: „Господи, Владыко животу“, царскія двери были открыты. Древнихъ иконъ нѣтъ, всѣ живописныя. Зашли по пути въ французскую церковь. Совершалось причащеніе женскаго пола. Онѣ стояли на колѣняхъ у рѣшетки; ксендзъ въ облаченіи (не похоже на наше), съ потиромъ въ рукѣ подходилъ къ рѣшеткѣ и, начиная съ правой стороны, бралъ изъ потира облатку и, сотворивъ ею на каждой четвероконечный крестъ, влагалъ въ уста. Принимающая держала предъ собою вродѣ небольшой клеенки. Принявъ, закрывала обѣими руками лицо. Затѣмъ вставала и, сложивъ молитвенно руки ладонями, уходила. Клеенка передавалась другой, рядомъ стоящей, и т. д. Прошедши весь рядъ справа налѣво, ксендзъ бралъ у послѣдней дощечку, шелъ направо и начиналъ снова также причащать рядъ стоявшихъ на колѣняхъ. По причащеніи женщинъ ксендзъ сталъ около престола и предъ нимъ въ рядъ встали на колѣни мужчины. Началось причащеніе ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ женщинъ. Пѣнія никакого при этомъ не было. Только ксендзъ, подавая облатку и дѣлая четвероконечный крестъ, тихо произносилъ что-то.

Церковь богато отдѣлана: хорошая стѣнопись, живописная. Отсюда мы прошли въ греческую церковь Козьмы и Даміана. Древности нѣтъ, и церковь хотя почище Константинопольскихъ, но небогата. Приложились къ частицамъ мощей. Большая часть—лбина Козьмы или Даміана—не успѣлъ прочесть, и нога отъ колѣна со ступней мученика Георгія. При выходѣ изъ церкви намъ объявили, что насъ проситъ епископъ Амвросій зайти къ нему. Мы сначала усомнились, но когда пришелъ кавасъ и повторилъ, что дѣйствительно насъ именно приглашаетъ епископъ Амвросій, хорошо говорящій по-русски, мы пошли.

Помѣщеніе, занимаемое имъ, находится рядомъ съ церковью, при греческой семинаріи. Довольно хорошо обставлено. Взошедши, мы поклонились осмиконечному кресту и, поздоровавшись по-русски, отрекомендовались. Онъ въ свою очередь сказалъ, что онъ викарный епископъ Амвросій при митрополитѣ Смирнскомъ. Учился въ Кіевской академіи и знакомъ со старообрядчествомъ. Мы спросили его: какъ онъ смотритъ на нашу іерархію, ведущую преемство отъ митрополита Амвросія Боснійскаго? Онъ сказалъ, что на это отвѣтить кратко невозможно—вопросъ трудный.—„Но ваше мнѣніе?“—Это будетъ частное, мое.—„Но какъ вы насъ признаете?“—Митрополитъ Амвросій, сказалъ онъ, не имѣлъ права безъ особаго каждый разъ дозволенія патріарха служить и рукополагать. Но онъ самовольно ушелъ и рукополагалъ,—за что и запрещенъ. Мы возразили, что профессоръ Субботинъ доказываетъ, что м-ть Амвросій не былъ запрещенъ.—Когда же и за что онъ запрещенъ?—За самовольный уходъ и рукоположеніе,—отвѣтилъ епископъ Амвросій.

„Но если бы онъ возвратился, сказали мы, приняли бы его и рукоположенныхъ имъ?“—Да, если бы раскаялся, приняли, признали бы и рукоположенныхъ имъ. Я викарій, если бы безъ дозволенія митрополита Смирнскаго рукоположилъ, я былъ бы за это наказанъ.—„Такъ, но рукоположенные вами были бы признаны рукоположенными?“—Да.

Затѣмъ мы спросили его: „Какъ крестятъ греки, трехпогружательно или обливаютъ?“—Погружаютъ съ головой: во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Но если умираетъ, можетъ отецъ или бабка погрузить, а нѣтъ воды—изъ лампадки масломъ полить или помазать—во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И если остается живъ, священникъ читаетъ всѣ молитвы и помазуетъ масломъ и мѣромъ.—„Какъ принимаете вы крещеныхъ поливательно-католиковъ?“—Обязательно крестимъ вновь.—Тутъ прервали нашъ разговоръ, сказавъ, что пришли ѣдущіе на пароходъ митрополиты. Мы, вручивъ другъ другу карточки, при чемъ епископъ Амвросій по-русски написалъ свое имя и титулъ и поцѣловавшись трижды съ каждымъ во уста простился съ нами.

При выходѣ изъ церкви на площадкѣ двора стоялъ огражденный желѣзной рѣшеткой огромный, въ нѣсколько обхватовъ платанъ, съ пустой серединой, но съ зелеными листьями, похожими на кленъ.

„На этомъ деревѣ, говоритъ Семенъ Петровичъ, пострадали мученики Козьма и Даміанъ“. Мы сорвали нѣсколько листьевъ, а о. Діонисій отрѣзалъ часть коры. Посѣтили церковь святаго Іоанна Богослова. Храмовая икона и др. будто Ушаковского письма, но греческаго. На фронтонѣ надъ входной боковой дверью греческая надпись упоминаетъ св. Поликарпа Смирнскаго. Но мощей его здѣсь нѣтъ. Говорятъ, церковь его за городомъ, куда мы не имѣли времени пойти. Здѣсь намъ предлагали осмотрѣть древнее евангеліе съ драгоценными камнями, за которое будто русскіе даютъ 200 тысячъ. Но оно хранится гдѣ-то подъ замкомъ. Чтобы видѣть его, надо кого-то просить и уплатить около 10 рублей. Мы, конечно, отказались отъ такого удовольствія.

Семень Петровичъ повелъ насъ по магазинамъ. Во французскомъ магазинѣ за лайковыя перчатки запросили 4 рубля. Епископъ Мелетій взялъ нитяныя за 60 коп. Завелъ насъ С. П. въ лавку и навязалъ 2 фунта ладану, цѣною по 1 руб. 20 коп. за фунтъ приблизительно. Водилъ въ другую и предлагалъ взять розоваго масла. Но мы отказались — видимый обманъ: длинный толстостѣнный флаконъ содержалъ въ себѣ не болѣе золотника, а выдавали за 3—4 золотника цѣною за 3 руб. Въ зеленой лавкѣ взяли маслинъ маринованныхъ и персиковъ, заплативъ втридорога. Проводилъ С. П. Самсона Ивановича къ русскому консулу, къ которому было письмо его друга. Пока они ходили, мы сидѣли у кофейни на тротуарѣ, смотря на проходящихъ и ѣдущихъ. Большинство было европейцевъ. Извозчики въ парныхъ экипажахъ, хорошіе, лошадки чистенькія. Проходили и ослики, нагруженные съ обѣихъ сторонъ, женщинъ мало. Въ старомъ городѣ, по магометанскимъ улицамъ, всѣ окна закрыты ставнями или занавѣсами; пустынно. Сады огорожены каменными стѣнами.

Базаръ турецкій таковъ же, какъ и въ Константинополѣ. Купивъ открытокъ и хлѣба, мы возвратились на другой лодкѣ на „Одессу“. Семень Петровичъ, попросивъ заплатить ему 40 коп. и лодочнику 80 к., простился, сказавъ: „будете помнить Семена Петровича“. Когда сошелъ съ лодки Семень Петровичъ, къ намъ въ лодку сѣлъ еврей съ узломъ товара. Но при выѣздѣ изъ бухты, турецкій стражъ увидѣлъ его и приказалъ возвратиться, что лодочникъ и исполнилъ, и тотъ неохотно слѣзъ. Въ 12 часовъ вышли изъ Смирны мимо маяковъ, поставленныхъ надъ потонувшими отъ минъ пароходами въ послѣднюю войну. На одномъ американскомъ пароходѣ погибло, говорятъ, до 400 человекъ.

Около 5 часовъ вечера стали на рейдѣ г. Хіоса (и острова того же имени), принадлежащаго итальянцамъ.

Имѣется бухта. Городъ весь въ садахъ — очень красивъ, находясь подъ горой. Волненіе было очень сильно, но лодочники, несмотря на это, пріѣзжали и съ пустыми лодками и съ провизіей: лукъ, салатъ, апельсины и что-то въ родѣ мелкихъ грушъ. Но ихъ на пароходъ не пустили. И они, принявъ почту и одного или двоихъ пассажировъ, ушли, борясь съ волнами. Черезъ часъ ушли и мы. Волненіе продолжалось до вечера. Съ 8 часовъ вечера мы просидѣли наверху до 11 час. — при лунѣ и тихомъ морѣ. Пропѣли: „Прежде шести дней Пасхи“, ирмосы цвѣтной недѣли и величаніе.

29-го, суббота Лазаря: утромъ — вѣтеръ и небольшое волненіе. Съ 10 часовъ и до часу на правой сторонѣ, какъ бы въ туманѣ, виднѣлись берега о. Кипра, гдѣ епископствовалъ Лазарь, нынѣ празднуемый. Послѣ завтрака мы попросили Екатерину Максимовну познакомить насъ съ ѣдущими митрополитами. Она вскорѣ и устроила это, представивъ насъ имъ. Причемъ мы обмѣнялись визитными карточками и рукопожатіемъ. Оказалось, что старшій (на видъ глубокой старикъ, но онъ себѣ считаетъ 68 лѣтъ) митрополитъ Деркосскій — Калинникъ, членъ Константинопольскаго Синода; 2-й — митро-

полить Варнскій—Никодимъ. Митрополитъ Калинникъ занялся съ нами разговоромъ чрезъ Екатерину Максимовну, хотя онъ и знаетъ сербскій языкъ, на которомъ и объяснялся съ нею и съ нами, вставляя по-сербски нѣкоторыя слова. На нашъ вопросъ, когда онъ изучилъ сербскій языкъ, онъ отвѣтилъ, что онъ 6 лѣтъ служилъ митрополитомъ въ Старой Сербіи и изучилъ этотъ языкъ: читалъ, писалъ и говорилъ на немъ проповѣди.

Это послѣднее обстоятельство еще болѣе увѣрило насъ, что и митрополитъ Амвросій, служа въ Босніи митрополитомъ не менѣе 5 лѣтъ, могъ изучить славянскій языкъ, на которомъ говорила его паства.

При дальнѣйшемъ разговорѣ мы болѣе подробно объяснили митрополиту Калиннику (на его вопросы): о мѣстѣ нашего служенія, о старѣйшемъ архіепископѣ Московскомъ, о соборахъ ежегодныхъ и епархіальныхъ, и что теперь, слава Богу, свободнѣе стало съ 1905 года. Митрополитъ спросилъ: что побудило насъ впервые поѣхать въ Іерусалимъ? Мы отвѣтили, что ранѣе намъ не выдавались паспорта съ именованіемъ священнаго званія, а теперь выдаютъ. Причемъ я показалъ ему свой паспортъ. Онъ спросилъ: сколько въ Россіи старообрядцевъ? Мы отвѣтили: милліоновъ 10 нашихъ, приѣмлющихъ бѣлокриницкое священство, и безпоповцевъ около этого. Митрополитъ сказалъ, что и по ихъ свѣдѣніямъ всего до 25 милліоновъ, и спросилъ: кого больше—безпоповцевъ или нашихъ? Мы отвѣтили, что нашихъ; безпоповцы, пояснили мы, признаютъ, что послѣ Никона благодать священства и таинства взяты на небо. Но книги и всѣ обычаи они держатъ до-Никоновскіе. Митрополитъ спросилъ: какъ у васъ совершается литургія, такъ ли, какъ въ русской церкви и въ греческой или иначе? Мы отвѣтили, что какъ въ русской, за немногими отличіями; мы такъ служимъ, какъ служили до Никона, и крестимъ въ три погруженія; безпоповцевъ принимаемъ, совершая всѣ молитвы и помазуя масломъ и мѣромъ, но не повторяя погруженія. Знаетъ митрополитъ Калинникъ исторію митрополита Амвросія хорошо, какъ самъ заявилъ. Какъ-то при случаѣ я показалъ, какъ мы крестимся. Онъ сложилъ троеперстіе и сказалъ: „это древнѣе“. Я возразилъ, что когда Россія принимала крещеніе, греки крестились двуперстно. „Такъ, сказалъ Калинникъ, показывая именованное перстосложеніе, благословлять должно, а такъ, показывая троеперстіе—креститься“.

Екатерина Максимовна вмѣшалась и говорить, что изъ такихъ мелочей не слѣдуетъ дѣлаться: Христосъ одинъ, однажды распятъ жидами, мы распинаемъ Его много разъ и теперь. Поддакнулъ и митрополитъ: „Единъ Христосъ, едино крещеніе“. Конечно, мы это подтвердили, но замѣтили, что за эти „мелочи“ нашихъ предковъ мучили, рубили головы, жгли на кострахъ.

Не желая спорить теперь, мы перешли на другой разговоръ. Калинникъ имѣетъ отъ роду 68 лѣтъ; 20 лѣтъ уже митрополитомъ, нѣсколько лѣтъ былъ синкелломъ Великія Церкви.

Другой митрополитъ Никодимъ не вступалъ въ разговоръ.

Вечеромъ съ 5 часовъ до 12 ночи стояли въ Мерсинѣ, далеко отъ берега. Опять нападеніе лодочниковъ и висячая надъ водой гирлянда ихъ: трапъ не спустили еще, они полѣзли по веревкѣ. Ихъ спугнули, они кинулись назадъ, но лодки отошли и трое повисли.

30-го марта воскресенье—„Недѣля Цвѣтная“. Въ 7 часовъ встали на рейдъ Александретты. Это село арабское небольшое, но красивое издали: расположено подъ горами не ниже Жигулей; на нѣкоторыхъ еще виднѣется снѣгъ. Снѣгъ подъ такой широтой (36°) насъ очень удивилъ. Съ парохода виднѣются, за береговыми горами,—еще горы; сплошь покрытыя снѣгомъ—вродѣ Кавказскихъ снѣговыхъ горъ. Но эти снѣга „не вѣчные“, ибо виднѣются среди снѣговъ кусты растеній. Митрополиты, наши спутники, поѣхали въ село—„мала церкви“, сказалъ старшій. Нобелевскій уполномоченный, разъѣзжающій по разнымъ странамъ по ихъ дѣлу, предложилъ и намъ поѣхать въ Александретту. Мы поѣхали. Прошли въ греческую церковь. Служилъ нѣкто въ митрѣ съ крестомъ, говорятъ, мѣстный митрополитъ съ двумя священниками. Народу порядочно. Церковь каменная—небогатая, въ особенности иконостасомъ. Дѣти многіе стояли съ пальмовыми вѣтвями и съ цвѣтами, съ зажженными свѣчами. Пѣли „Херувимскую“, неважно, тихо, и только мальчики тянули одну ноту украшая пѣніе. Мальчики (человѣкъ 6) были въ бѣлыхъ стихаряхъ, съ крестами на нихъ, но безъ позумента на груди и спинѣ. Они держали кресты предносные и рипиды. Выходъ дѣлали такъ: впереди шли дѣти съ вѣтвями, затѣмъ мальчики съ рипидами и крестами, трикиріями и дикиріями. Трикиріи металлическіе обычнаго типа, но свѣщи въ срединѣ соединены и перевязаны лентой съ цвѣтами, такъ что вверху свѣщи расходятся. Одинъ священникъ несъ дискось въ рукахъ, а не на головѣ, др. потиръ. Прошли изъ сѣверныхъ дверей боковымъ отдѣломъ и чрезъ средину церкви, трижды останавливаясь. Митрополитъ, принимая дискось и потиръ, долго поминалъ всѣхъ патріарховъ. вмѣсто трикирій говорилъ съ крестомъ что-то. Говоря „Миръ всѣмъ“—благословлялъ обѣими руками, не слагая перстовъ—такъ казалось намъ.

„Заамвонную“ молитву священникъ читалъ съ амвона, которые у нихъ очень немного, не болѣе аршина, выступаютъ отъ солей; соля шириной четверти двѣ. Полъ, соля и амвонъ изъ бѣлаго мрамора. По отпустѣ народъ началъ выходить, пошелъ и митрополитъ Варнскій. Пошли и мы. Уходя—заглянули въ растворенныя царскія двери. Предъ престоломъ стоялъ митрополитъ и разоблачался. Увидѣвши насъ, вышелъ на амвонъ и, поздоровавшись за руку, что-то говорилъ, какъ бы приглашая къ себѣ. У дверей западныхъ, съ правой стороны, стоялъ священникъ и раздавалъ выходящему народу вѣточки, въ родѣ лавровыхъ. Подалъ и намъ по двѣ. Съ лѣвой же стороны мальчикъ держалъ блюдо съ дорой и выходящіе брали сами. Дѣти, какъ и у насъ, хлѣба старались взять 2—3 кусочка, державшій—шумѣлъ на нихъ.

По выходѣ изъ церкви, на улицѣ, догналъ насъ человекъ и сталъ объяснять жестами идти съ нимъ. Мы поняли, что митрополитъ приглашаетъ къ себѣ. Пошли. Идемъ — кварталъ, другой, заворачиваемъ въ другую улицу. На стѣнѣ написано: „Готель, ресторанъ“. Мы усомнились и говоримъ человеку: „намъ надо на пароходъ“. И уѣхали. Закусивъ — легли отдохнуть. Вдругъ официантъ приноситъ карточку, гдѣ значилось: „Рафаэль, архіепископъ Алеппскій и Александреттскій“.

Принесшій объяснилъ, что митрополитъ проситъ насъ обѣдать. Я только что перемѣнилъ бѣлье и уже опять вспотѣлъ, поэтому отказался (о чемъ послѣ пришлось пожалѣть). Епископъ Мелетій съ своими спутниками поѣхали и возвратились вмѣстѣ съ тремя митрополитами. Рафаэль съ своимъ священникомъ пріѣхалъ провожать. Мои спутники возвратились въ восхищеніи отъ гостепріимства Рафаэля.

Обѣдъ у него былъ рыбный, очень хорошій, винъ нѣсколько сортовъ; виноградное — выдающееся по вкусу. Говорили оба митрополита тосты за гостей и за соединеніе всѣхъ подъ единымъ пастыремъ Христомъ. Отвѣчали и наши всѣ — въ томъ же духѣ и съ благодарностію за гостепріимство, пожелали митрополиту быть патриархомъ. Пѣли за столомъ; спѣли и наши: „Исполняйте“ и „Тонъ деспотинъ“, имъ хлопали въ ладоши. До пристани шли 3 митрополита въ рядъ, въ предшествіи каваса. По пріѣздѣ на пароходъ мы представились митрополиту Рафаэлю, епископъ Мелетій надѣлъ камилавку и мантию, что сдѣлалъ и я. Митрополитъ Рафаэль подарилъ епископу Мелетію и о. Діонисію фотографическія карточки, мнѣ прислалъ визитную (я ему ранѣе посылалъ съ надписью, что благодарю за приглашеніе, быть не могу).

Побесѣдовали при посредствѣ митрополита Калинника по-сербски.

Митрополитъ Рафаэль 2 года здѣсь, очень любимъ народомъ арабскимъ и самъ арабъ.

Священниковъ у него 7, два діакона — учатся въ Алеппо.

Прощаясь, расцѣловался съ нами по трижды.

Вышли мы изъ Александретты въ 3 часа дня. По выходѣ изъ залива пошли прямо на югъ. Берега очень гористые, а за ними еще выше — снѣговыя горы Ливанскія (Большой Ливанъ).

31-го, утромъ, часовъ въ 6 встали на рейдѣ — Триполли, который нѣсколько оправдалъ свое названіе: виднѣются какъ бы отдѣльно два города: слѣва, за садами, на полуостровѣ (будто), новый, хорошія каменные зданія и ж. д., идущая на Алеппо и Дамаскъ. Второй, справа — старѣе, на полугорѣ. Очень красивы горы зеленѣющія, надъ ними облака — сначала темныя, потомъ бѣлыя и сверхъ нихъ горы Ливанскія, покрытыя снѣгомъ. Кажутся онѣ очень близко, но въ дѣйствительности, говорятъ, верстъ 80.

Въ Триполли очень много было груза; овецъ погрузили болѣе 2 тысячъ. Погрузка ихъ производится варварски: захлестываютъ каждой овцѣ переднюю ногу и кучею — въ 6—8 — поднимаютъ краномъ бьющихся въ воздухъ животныхъ. При мнѣ одна какъ-то сорвалась, упала въ дощаникъ

и стала биться. Тотчасъ подбѣжалъ арабъ и, перерѣзавъ ей горло, бросилъ въ люкъ... Изъ Триполли вышли въ 3 часа, волненіе было не особо большое, но тѣмъ не менѣе—качка замѣтная. Вѣроятно вслѣдствіе нѣсколько бокового вѣтра и сильнаго хода парохода. Въ 6 часовъ вошли въ гавань въ Бейрутѣ.

Очень хорошъ былъ закатъ солнца въ морѣ. Съ одной стороны огненный шаръ, спускающійся въ воды, и облака окрашенные въ разные цвѣта, начиная съ золотого; съ другой горы, вдали бѣлоголовый Ливанъ, ближе—горы, покрытыя мрачными тучами, чрезъ которыя вырисовывается г. Бейрутъ, широка раскинувшійся по горѣ, съ стоящими въ гавани пароходами. Тихо входитъ нашъ пароходъ въ ворота гавани; справа стоитъ красавецъ французскій пароходъ, расцвѣченный массой огня, и пассажиры—пускаютъ бенгальскіе огни, салютуя нашему ли пароходу, или знакомымъ въ городѣ, который въ свою очередь блестѣлъ множествомъ огней. Но вотъ нашъ пароходъ дѣлаетъ въ гавани полуоборотъ, и масса лодочниковъ, цѣлой флотиліей, двигается около него, выжидая момента остановки, издавая гортанные звуки. Слышится даже русская, исковерканная рѣчь: „капитанъ, кричить одинъ, трави трапъ“! Другой пронзительно свиститъ; 3-й бьетъ въ ладоши, какъ въ дощечки. „Вотъ онъ я сама“,—выкрикиваетъ четвертый. Наконецъ начинаютъ спускать трапъ. Что тутъ произошло, нужно видѣть самому, или въ кинематографѣ. Моментально на лодкахъ, сбившихся въ кучу, зацѣпившихся за веревку, протянутую по борту парохода и другъ за дружку, люди смѣшались въ какую-то кашу: перебѣгая, прыгая съ лодки въ лодку, стремясь скорѣе достигнуть до трапа и вбѣжать на пароходъ, чтобы первому захватить пассажировъ. Пока кипѣла эта куча на лодкахъ, одинъ смѣльчакъ хватается за веревку и, какъ кошка цѣпляясь за выступы и боковыя трубы парохода, вскакиваетъ и, перепрыгнувъ чрезъ перила, бѣжитъ по верхней палубѣ (1-го класса) парохода. Но и находившіеся въ въ лодкахъ уже добрались до трапа и какъ на приступъ бѣгомъ бросились вверхъ, оглашая воздухъ гортанными звуками. И при такой толкотнѣ—ни одинъ не упалъ, не сорвался въ воду. Въ моментъ вся палуба наполнилась ревущей босоногой толпой, съ предложеніемъ—„туда и обратно“. Подобнаго мы еще не видали. Но въ Яфѣ, говорятъ, творится еще болѣе безобразное и насъ капитанъ предупреждаетъ—не сходить тамъ до тѣхъ поръ, пока не отхлынетъ эта орда. Приняли къ свѣдѣнію.

1-го апрѣля, вторникъ.

Въ 8 часовъ мы съѣхали на берегъ Бейрута, чрезъ таможеню прошли узкими улицами, съ торговыми помѣщеніями, до трамвая и, прошедши направо—до пересѣченія другой линіей, сѣли на трамвай и проѣхались до конца, мимо Американскаго консульства. Улицы порядочныя, выстланныя плитками, но не широки. Дома есть очень огромные и многоэтажные, въ арабскомъ стилѣ; есть и съ плоскими крышами. Чудная, невиданная для насъ растительность. На каждомъ почти дворѣ—сады: виднѣются пальмы

разныхъ породъ; со стѣнъ свѣшиваются цвѣтушіе розовые кусты и др. цвѣты; лимонныя деревья съ лимонами, кактусы—вмѣсто загороди—величиной въ ростъ человѣка и чуть не съ лопату—листьями.

На обратномъ пути проѣхали до площади Константинопольской и отсюда прошли базаромъ съ разными фруктами: бананы, редиска, лимоны, огурцы, шептала, демьянки; но дерутъ за все безбожно!—Въ 11 час. вышли изъ гавани и отправились далѣе. Въ Бейрутѣ сѣли къ намъ два францисканскихъ монаха, веревками перепоясанные, съ бородами—во всю грудь, въ легкихъ скуфейкахъ. Вѣтеръ! Около 6 часовъ вечера стали на рейдѣ Кайфы. Волненіе очень сильное. Но лодочники даже на ходу еще стали бросаться къ пароходу. Едва спустили трапъ, какъ они кинулись на него, прыгая съ лодки на лодку и на трапъ. При сильномъ волненіи лодки бросало и къ трапу и отъ трапа и вдругъ двое арабовъ, одинъ въ европейскомъ костюмѣ, другой—лодочникъ, неудачно прыгнувъ на трапъ одной ногой, а другой стоя на лодкѣ, которую волна вдругъ отбросила, сорвались и скрылись подъ водой; шляпа по-европейски одѣтаго закружилась между лодокъ... Но чрезъ секунду—двѣ на поверхности появилась голова одного; его схватываютъ и не безъ труда (ибо лодку бросало изъ стороны въ сторону и мы боялись, что онъ будетъ стиснутъ лодкой) вытащили. Лодочникъ же самъ схватился за бортъ и держался пока не вытащили 1-го, затѣмъ вытащили и его. 1-й блѣдный, весь мокрый, безъ шляпы сидѣлъ въ лодкѣ и отплевывался... Придя въ себя—съ чувствомъ пожалъ руку его вытащившаго.

Очень тяжелая была картина, съ нѣкоторыми женщинами сдѣлалась истерика... Полилъ дождь, налетѣлъ шквалъ и еще болѣе закрутилъ лодки. Шумъ вѣтра, молнія, громъ, крикъ лодочниковъ, страшно было видѣть и слышать... Такъ встрѣтилъ насъ грозный пророкъ Ілія, спасавшійся на горѣ Кармильской, подъ которой расположена Кайфа. Ночью снялись и пошли далѣе. Качало!

2-го апрѣля, среда. Рано проснулись мы. Была довольно чувствительная качка; удары волнъ въ корму парохода не давали долго спать. Да и время было: пароходъ стоялъ уже съ 5 часовъ утра въ Яфѣ, древней Іоіи, конца нашего морского пути. Одѣвшись, выходимъ наверхъ. Вѣтерено и довольно прохладно. По морю сердито ходитъ крупная зыбь... Не безъ тревоги смотрѣли мы на лодки, принимающія пассажировъ: подбрасываетъ ихъ не меньше, кажется, вчерашняго. Но нѣтъ вчерашней суеты: капитанъ распорядился спустить три трапа и лодки разбились на три флотиліи. Пріѣхали кавасы Палестинскаго Общества и даже 1-й драгоманъ и пригласили насъ переѣхать въ ихъ лодкѣ. Оказывается, изъ Одессы М. И. Осиповъ предупредилъ управляющаго здѣсь о нашемъ пріѣздѣ и вотъ они съ предупредительностію отнеслись къ намъ. Пока сносили багажъ, мы смотрѣли, какъ садятся бѣдные паломники 3-го класса съ правой стороны, гдѣ волненіе болѣе сильное. Человѣкъ 5—6 уже въ лодкѣ и багажъ, но еще все идутъ и идутъ другіе. Лодочники ловко подхватываютъ кидаемый ба-

тажъ и улавливая моментъ, когда волна поднимаетъ лодку къ трапу (нижняя площадка при этомъ иногда погружается въ воду), они моментально подхватываютъ паломника или поломницу и сажаютъ въ лодку. Изъ послѣднихъ нѣкоторые вскрикиваютъ и плачутъ. Но одна изъ бойкихъ едва не сорвалась, — безъ поддержки лодочника шагнувши въ лодку. Наконецъ нашъ багажъ въ лодкѣ, но мы просимъ подвести ее къ трапу съ лѣвой стороны, гдѣ волненіе, сравнительно, менѣе. Кавасъ и драгоманъ распорядились перевести, и мы идемъ на лѣвую сторону. Вглядываемся на берегъ, въ 5—10 саженьяхъ отъ котораго кипитъ вода, разбиваясь о гряду камней, и лодки стараются пройти въ узкія ворота въ этой грядѣ. Прощаемся съ любезнымъ командиромъ Дмитріемъ Петровичемъ и сходимъ по трапу въ лодку: 1-й о. Діонисій, за нимъ я, предварительно бросивъ зонтъ въ лодку, схожу благополучно. Также сходятъ епископъ Мелетій и Самсонъ Ивановичъ. Садятся и др. Только одинъ, прозванный нами Зенинымъ — по внѣшнему сходству, — какъ-то неловко падаетъ въ лодку, зашибивъ ногу.

Садится нервный г-нъ, принимавшій вчера рюмку брому — чтобы успокоиться отъ видѣннаго потопленія, двѣ барышни, съ испуганными глазами и молодой человекъ съ красными глазами, который чрезъ минуту склоняется за бортъ... Закачало... Наконецъ сѣли всѣ, крестимся и наша лодка, подпрыгивая и ныряя въ широкія волны, медленно подвигается къ опаснымъ рифамъ. При чемъ едва не столкнулись съ встрѣчной пустой, изъ-за чего происходитъ перебранка между лодочниками. Но вотъ и ворота, т.-е. свободное отъ камней надъ водой мѣсто: выждавъ удобную секунду, лодочники сразу проносятся въ нихъ. „Альле“, — „все“, съ радостію произноситъ хозяинъ лодки, и черезъ минуту мы на пристани, усыпанной народомъ, смотрящимъ на переправу. Съ минутной задержкой, благодаря матросу отъ драгомана, проходимъ таможеню (багажъ не смотрѣли), нанимаемъ коляску и ѣдемъ на вокзалъ — версты двѣ. Суета, недоразумѣнія на вокзалѣ изъ-за багажа и билетовъ; наконецъ мы въ вагонѣ. Приходятъ кавасъ и драгоманъ, а потомъ управляющій Р. П. и Т. — Мы благодаримъ ихъ за вниманіе и въ 8 час. 5. м. поѣздъ уноситъ насъ по землѣ Саранстѣй, въ Палестину. Г. Яффа небольшой полуевропейскій, судя по домамъ, городъ, окаймленный чудными садами. Кактусы мѣстами чуть не въ сажень вышины, съ полуаршинными ладонями-листьями служатъ загородью и едва ли какой скотъ рѣшится проникнуть за эту ограду. Въ садахъ — лимонныя рощи, есть и сейчасъ съ висящими плодами, виноградники, рощи масличныхъ деревьевъ, поля засѣянные ячменемъ и пшеницей, — уже выколосившейся, помидоры и др. овощи на много верстъ мелькаютъ мимо насъ, — поѣздъ идетъ очень хорошо. Встрѣчаются восточныя женщины съ ношей на головахъ; шаловливыя, полуголыя дѣти взапуски бѣгущія за поѣздомъ, махающія руками и кричащія что-то. Проѣзжаютъ на осликахъ арабы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, едва не касаясь земли ногами. Первая остановка въ Лиддѣ, — родина Георгія побѣдоносца. На платформѣ у станціи масса пуб-

лики—разнаряженныхъ жидовъ съ пейсами (у нихъ Пасха), иностранцевъ-туристовъ и мѣстныхъ босоногихъ торговцевъ фруктами и цвѣтами.

Еще остановка въ Рамле,—по преданію родина Іосифа и Никодима,—потомъ еще двѣ остановки. Послѣднія уже въ горахъ Іудейскихъ. Замѣчательны эти горы, среди которыхъ идетъ ж. д. Сплошь почти состоятъ онѣ изъ камня, спускаясь террасами. На этихъ террасахъ, или площадкахъ каждый кусочекъ земли распаханъ и засѣянъ хлѣбомъ или засаженъ масличными деревьями. Если же гдѣ попадаются долинки, то онѣ раздѣланы такъ хорошо и красиво, что украсили бы скверъ любой столицы. Засѣяны онѣ помидорами и другими злаками, и фруктовыми деревьями,—какъ и около Яффы. Поѣздъ мѣстами идетъ между высѣченными ущельями, стоящими стѣной; нерѣдко огромные камни висятъ надъ самой дорогой, того гляди—сорвутся. Ближе къ Іеросалиму горы какъ бы отходятъ отъ полотна дороги и становятся ниже. Появляются на горахъ то постройки, то развалины бывшихъ монастырей. Изъ нынѣ существующихъ называютъ: монастырь во имя пророка Іліи—справа, а ближе къ городу—праведнаго Симеона Богопріимца. Возбужденіе между тѣмъ растетъ: ѣдущіе встаютъ съ мѣстъ и каждому хочется скорѣе увидѣть Іеросалимъ—цѣль нашего путешествія. Мы съ епископомъ Мелетіемъ проектировали даже при видѣ св. града спѣть: “На Сіонъ гору взыде, и благовѣствуя Іеросалиму”... Но вотъ появляются красные европейскіе домики, больше и больше... А вотъ и вокзалъ!.. Ожиданіе не оправдалось; возбужденіе упало при такомъ обыденномъ видѣ... Не этого хотѣлось... Хотѣлось сразу увидѣть древнія стѣны и башни Іеросалима, храмъ Воскресенія и пр...

Но вмѣсто этого—домики евреевъ и загородныя дачки. Не пѣть же этому ірмось...

Поѣздъ остановился. Выходимъ изъ вагона и ждемъ полученія багажа, и каваса—по обѣщанію драгомана и консула Яффскаго... Но кавасъ черногорецъ прошелъ къ дочери консула изъ Бейрута и къ др. лицамъ... Стоимъ. Вдругъ является г-нъ и направляется прямо къ намъ, рекомендуясь 1-мъ драгоманомъ консула русскаго—Яковомъ Николаевичемъ. Отдавъ распоряженіе кавасу о багажѣ, самъ поѣхалъ съ нами и привезъ насъ въ Александровское подворье, въ которомъ мы заняли № 5, прося поставить еще 2 кровати. Пока убирали №, Прасковья Ѳеодоровна—смотрительница,—проводила насъ въ пріемную. Здѣсь висятъ портреты: Императр. Маріи Ѳеодоровны, наслѣдника Николая Александровича, нынѣ—Царя и Сергѣя Александровича. На столѣ книга „Бояре Романовы“, въ память 300-лѣтія.

По уборѣ комнаты и привозѣ багажа (съ нимъ ѣздили въ Руск. постройки и въ миссію, но тамъ свободныхъ мѣстъ нѣтъ; въ миссію помѣститься можно только духовнымъ) заняли свой №. Вскорѣ пришелъ Николай Романовичъ Селезневъ (служившій ранѣе въ Спб. при Сергѣѣ Александровичѣ) помощникъ управляющаго Палестинскимъ Обществомъ, узнать: какъ мы устроились. Поблагодаривъ его, мы по его предложенію сошли осмотрѣть

при подворьѣ „Судныя врата“, открытыя при раскопкахъ, произведенныхъ „Палестинскимъ Обществомъ“, на прибрѣтенномъ имъ въ 1859 году мѣстѣ.

По Божію промыслу мѣсто это, находящееся близъ храма Воскресенія—на востокъ, оказалось священнымъ по бывшимъ на немъ событіямъ. Въ 1883 г. по почину Великаго Князя Сергѣя Александровича приступили къ расчисткѣ мусора, лежавшаго слоемъ слишкомъ въ 5 сажень, для постройки дома. При раскопкахъ нашли высокій, вымощенный мраморными плитами помостъ, съ остатками стѣнъ, и слѣды бывшихъ здѣсь воротъ,—сильно потертый ногами порогъ въ 3 аршина 10 вершковъ длины. Ворота эти были ближайшими къ Голгофѣ и чрезъ эти ворота и шелъ Спаситель. Обрѣтенный помостъ былъ признанъ за тотъ „лиеостротонъ“, на которомъ Пилать, указывая на Спасителя народу, произнесъ: „се Человѣкъ“ и умылъ руки. Стоящій же народъ кричалъ: „распи, распи Его“. Вотъ это-то освященное мѣсто и показывалъ намъ и давалъ объясненіе Николай Романовичъ.

Первой здѣсь намъ представилась Византійская арка позднѣйшаго (послѣ Христа) времени. Осмотрѣли и съ вѣрою поклонились порогу (помѣщенному подъ стекломъ), по коему входилъ Спаситель на „лиеостратонъ“. Надъ порогомъ возвышается живописное распятіе и по сторонамъ—во весь ростъ Богородица и Богословъ. Здѣсь читается инокинями „неугасимая“ псалтырь за усопшихъ благодѣтелей „Палестинскаго Общества“. Здѣсь же стѣна преторіи Пилата и устроена широкая лѣстница, ведущая къ перегородкѣ, за которой церковь во имя Александра Невскаго, сооруженная въ память Императора Александра 2-го, при содѣйствіи дѣтей его—Вел. Князей Сергія и Павла. Мѣсто церкви и есть мѣсто (древняго) „лиеостротона“.

Кромѣ сего здѣсь же поставлены древнія колонны, вросшія въ землю, остатокъ сооруженій временъ константиновскихъ. Рядомъ съ церковью комната-музей, гдѣ хранятся въ стеклянномъ шкафѣ разные предметы: подсвѣчники, свѣтильники и пр., найденные при раскопкахъ. А по стѣнамъ остатки колоннъ и капителей древнихъ сооруженій, тоже найденныя при раскопкахъ.

Въ храмъ Александра Невскаго встрѣтились съ управляющимъ Палестинскими подворьями Павломъ Ив. Ряжескимъ и внесли ему сумму, данную на обѣды бѣдныхъ.

Эти первые, священные по воспоминаніямъ предметы настроили наши чувства къ умственному созерцанію тѣхъ событій, какія происходили здѣсь. Здѣсь нашъ Спаситель связанный предсталъ на судъ Пилата, какъ поетъ церковь: „Судія судимъ бываетъ“... „Распи, распи его“, кричала на этомъ мѣстѣ неистовствующая толпа народа на слова Пилата, выведшаго Ісуса—окровавленнаго, въ терновымъ вѣнцѣ на головѣ: „Се Человѣкъ“... Осмотрѣвъ все это мы пошли въ самый храмъ Воскресенія, къ которому вела калиточка съ нашей улицы (не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ подворья) пробитая въ стѣнѣ. Этой калиточкой мы вышли на дворъ,

или площадку квадратную, предъ храмомъ Воскресенія, кругомъ обнесенную стѣнами: мечети, пристроекъ къ храму и жилыхъ помѣщеній. Наружный видъ храма Воскресенія открытъ только одной стороною—сѣверной.

Храмовая стѣна очень высокая, но простой архитектуры, мало напоминающей наши храмы, тѣмъ болѣе, что отсюда не видишь ни купола ни даже креста. Входъ въ храмъ какъ бы въ половину двери (но довольно широкой); др. половина задѣлана. Переступаемъ порогъ и чрезъ нѣсколько шаговъ 1-е священное мѣсто—„камень муропомазанія“, на которомъ Іосифъ съ Никодимомъ, по снятіи съ креста, бездыханное тѣло Ісуса Христа помазали мѣломъ и плащаницами обвили его. Съ глубокимъ чувствомъ смиренія поклонились мы и облобызали камень, мысленно переносясь къ моменту здѣсь совершившемуся 19 вѣковъ назадъ... Далѣе ведетъ насъ іеромонахъ Маркосъ и объясняетъ на ломаномъ русскомъ языкѣ. (Ему насъ сдалъ Николай Ивановичъ). Поклонились мы и другимъ священнымъ мѣстамъ. Наконецъ мы у „Святая святыхъ“—у часовни Гроба Господня. Съ страхомъ вошли мы въ пещеру Гроба Господня, наклонившись до пояса: дверка всего въ 1 аршинъ 13 вершковъ вышиной. Самая пещера—помѣщеніе, обложенное бѣлыми мраморными плитами, въ которомъ съ трудомъ помѣщаются 4 человѣка. Здѣсь сидитъ монахъ продавая и ставя свѣщи на мраморную плиту. Со слезами умиленія на глазахъ припали мы къ плитѣ, покрывающей мѣсто „идѣже лежало Тѣло Ісусово“. Здѣсь—погребенное, запечатанное и стрегомое войнами было оно и въ третій день неизреченно воскресло. На этомъ гробѣ видѣли Магдалина Марія съ другими муроносицами „два ангела сѣдящихъ, одинаго у главы и одинаго у ногу“, глаголящихъ: „нѣсть здѣ, но воста“. Помолившись и поставивъ по свѣщѣ и съ собой взявъ нѣсколько на память—„отъ Гроба Господня“, мы вышли и пошли къ другимъ священнымъ мѣстамъ, которыя сейчасъ перечислять не буду, да и не могу по порядку вспомнить, а пишу о болѣе выдающихся. По лѣстницѣ, по ступенямъ каменнымъ, выбитымъ ногами миллионовъ поклонниковъ, мы взошли на Голгофу, гдѣ совершилось страшное дѣло: народъ израильскій, о которомъ Богъ изрекъ: „первенецъ Мой израиль“,—распялъ Своего Царя и Спасителя на крестѣ! И вотъ предъ нами престолъ (открытый) и подъ нимъ углубленіе, обложенное серебромъ, гдѣ водруженъ былъ сей Крестъ, сдѣлавшійся отселѣ побѣднымъ знаменіемъ христіанъ. Что здѣсь именно,—хотя м. б. на нѣсколько вершковъ вправо или влѣво,—былъ водруженъ крестъ, показываетъ подлинная Голгофская скала, разсѣдшаяся при распятіи,—это по правую сторону отъ престола, прикрытая металлической пластинкой, отодвигающейся для осмотра расщелины. Продолженіе этой расщелины находится подъ верхнею Голгофскою площадкою, подъ придѣломъ Воздвиженія Креста, гдѣ находится придѣлъ Іоанна Крестителя, носящій также названіе придѣла праотца Адама. Ибо преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ была погребена глава праотца Адама, и что кровь и вода,

истекшія изъ ребра распятаго Господа, проникли сквозь трещину сію и омыли отъ грѣха главу нашего родоначальника.

Надъ престоломъ, мѣстѣ водруженія Креста, поставленъ осмиконечный крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя, съ предстоящими—Богоматерію и Богословомъ. На титлѣ драгоценными камнями изображены начальными буквами: „Ісусъ, Назарянинъ, царь іудейскій“—на греческомъ, римскомъ и еврейскомъ языкахъ. Приложившись къ мѣсту водруженія Креста, (для чего нужно подлѣзть подъ престолъ) и къ мѣсту разсѣдшейся скалы, мы сошли въ нижній, какъ бы третій-этажъ—въ вышесказанный придѣлъ Крестителя. Посѣтили древнѣйшій изъ всѣхъ сооруженій храма Воскресенія—подземный храмъ царицы Елены съ двумя престолами, посвященными одинъ царицѣ Еленѣ и др. благоразумному разбойнику. Сошли отсюда въ пещеру, гдѣ былъ по преданію обрѣтенъ Крестъ Христовъ. Пещера эта вся высѣчена въ скалѣ. Не больше сажени отъ этой скалы отдѣляютъ престолъ обрѣтенія Креста отъ дома гдѣ мы проживаемъ.

Поднявшись отсюда мы вошли въ храмъ Воскресенія, среди котораго стоитъ невысокая—въ аршинъ—колонка—„пупъ земли“, какъ называетъ ее простой народъ, предъ которымъ на низкомъ подвѣчникѣ поставлено множество свѣщей. Народъ прикладывается къ „пупу“; но я усумнился почестъ эту „святыню“. Провели насъ въ олтарь, а затѣмъ въ контору, помѣщающуюся рядомъ. Познакомились съ святогробскимъ настоятелемъ—архимандритомъ Евфиміемъ и съ греческимъ консуломъ. О. Евфимій говоритъ, что намъ у него, въ монастырѣ, приготовили кровати рядомъ съ митрополитомъ „Деркосъ Калинникосъ“ и постели стоятъ свободны. Вообще оказываютъ большую внимательность и любезность. Прислали намъ билеты на мѣста для смотрѣнія завтра „чина омовенія ногъ“.

3-го апрѣля, Великій Четвергъ. Въ 7 часовъ утра прошли въ храмъ (при подворьѣ) Александра Невского. Служилъ іеромонахъ съ діакономъ. Пѣли на лѣвомъ клиросѣ 5 инокинь, въ „трію“, при чемъ управляющая хоромъ правой рукой, какъ бы благословляя, показывала тактъ. Въ общемъ пѣли порядочно. Молящихся было до полсотни нашихъ мужичковъ и бабъ. Мы встали противъ царскихъ дверей за воздвигнутымъ посрединѣ церкви престоломъ. Въ верху по стѣнамъ церкви помѣщена вся исторія крестныхъ страданій Спасителя въ картинахъ высокаго письма русскихъ художниковъ. Иконостасъ не высокій въ два ряда; царскія двери по восточному обычаю очень низкія. На ектеніяхъ поминаютъ русскаго Императора и Семью Его, и по запискамъ имена паломниковъ о здравіи и за упокой. Часовъ въ девять за нами пришелъ кавасъ и мы пошли смотрѣть „Чинъ омовенія ногъ“, съ террасы зданій архимандрита Евфимія. Здѣсь устроены мѣста для публики. Былъ драгоманъ Яковъ Николаевичъ, иностранные консулы; здѣсь же встрѣтили Владимира Александровича Птицына съ женой (проѣздомъ изъ Египта); были и другія лица, всѣ съ билетами. Наискосокъ отъ насъ въ широкомъ окнѣ монастыря смотрѣли на церемонію Княгиня Ирина Але-

ксандровна (дочь Ксеніи Александровны) съ мужемъ Княземъ Юсуповымъ. Среди площадки, предъ храмомъ Воскресенія, устроенъ былъ помостъ въ ростъ человѣка, съ перилами и съ ступеньками.

Площадка была полна народу, который съ трудомъ сдерживали турецкіе солдаты, въ два ряда стоящіе съ ружьями. Всѣ крыши, карнизы храмовъ и зданій и купола—были унизаны народомъ. Одинъ мальчишка ухитрился забраться даже на крестъ армянской церкви. Вся эта масса народа гудѣла какъ потревоженный улей пчелиный. Но болѣе всѣхъ обращали на себя арабы (преимущественно молодежь), которые, расположившись на крышахъ, наискосокъ отъ насъ, лицомъ къ храму, составивъ какъ бы два ряда, сильно хлопали въ ладоши, какъ будто ударяли въ деревянные и въ тактъ пѣли: „Илмасихъ атана би дамо штарана нихна иляонъ фараха упляхудъ хазана“ (т.-е. „Христосъ пришелъ и искупилъ насъ Своею Кровію, въ сей день мы радуемся, а Евреи сѣтуютъ“) и: „Уала динъ илла илмасихъ“ („нѣтъ истинной вѣры, кромѣ христіанской“).

Дирижировалъ одинъ арабъ палкой; два мальчишка били въ барабаны, похожіе на горшки, съ натянутой на нихъ кожей. А одинъ съ саблями въ рукахъ размахивалъ ими, продѣлывая удивительные фокусы; сабли въ его рукахъ вертѣлись—какъ мельницы. Прокричавъ минутъ 5 первый ликъ умолкалъ, начиналъ второй, но безъ барабановъ и фехтованья. Тѣмъ и другимъ вторили и арабы стоящіе на др. мѣстахъ и даже мальчишка на крестѣ. Часовъ въ 11 появились монахи съ выноснымъ крестомъ и ринидами. Архидіаконъ съ Евангеліемъ по ступенькамъ взобрался на устроенный на срединѣ стѣны висячій амвонъ, на которомъ укрѣплено было дерево масличное. Колокола затрезвонили, приговаривая, какъ мнѣ казалось: „ни ко лай сам сонъ... Вторили сему и арабы на крышахъ, выбивая тактъ и припѣвая. Наконецъ вышли изъ боковой двери сначала монахи и духовенство безъ облаченія. Прошелъ на помостъ нашъ спутникъ Деркосъ-Калиникосъ, затѣмъ митрополиты, архимандриты и священники—12 человѣкъ въ облаченіяхъ, и патріархъ Даміанъ, въ полномъ облаченіи и въ митрѣ (служащіе съ нимъ митрополиты и епископы митрѣ не надѣваютъ, а только накрываютъ клобуки трепомъ—или по нашему кафтыремъ). По прочтеніи молитвъ и пѣнія патріархъ и сослужащіе съ ними вошли на помостъ. Патріархъ сѣлъ на кресло, поставленное во главѣ,—среди табуретокъ, покрытыхъ подушечками, на которые сѣли по 6 человѣкъ на сторону, имѣвшіе обозначать 12 апостоловъ. Началось заунывное пѣніе 3-хъ монаховъ съ канонархомъ. Затѣмъ чтеніе архидіакономъ Клеопою на вышесказанномъ амвонѣ Евангелія—своеобразнымъ мотивомъ, съ завываніями. Голосъ—свѣтлый баритонъ, не особо сильный. Примѣняясь къ читаемому Евангелію патріархъ всталъ и начали его разоблачать,—оставивъ въ одномъ стихарѣ бѣломъ; затѣмъ онъ былъ опоясанъ широкимъ полотенцемъ; потомъ самъ налилъ изъ большого вызолоченнаго кувшина воду въ позолоченный продолговатый тазъ и сталъ умывать ноги, начавъ съ лѣвой отъ себя сто-

роны съ краю. Омывъ одну сторону, перешелъ на другую—начавъ тоже скраю. Какъ происходило самое омытіе ногъ, нельзя было разсмотрѣть за спинами сѣдящихъ. Фотографы съ 3-хъ сторонъ сняли этотъ чинъ въ разные моменты. Дошедши до Петра, который всталъ, патріархъ велъ съ нимъ извѣстный діалогъ—по Евангелію и затѣмъ омылъ ноги (собственно одну—правую). Послѣ этого патріархъ облачился, а участвующіе обулись, и чинъ продолжался своимъ порядкомъ, нѣсколько отличнымъ отъ нашего. При чтеніи Евангелія участвующіе въ чинѣ, какъ замѣтно, изображавшіе опредѣленныхъ апостоловъ, вставали съ своихъ мѣстъ, приближались къ патріарху и произносили изложенное по Евангелію, и затѣмъ поклонившись—садились на мѣста. Изображавшій Іуду, первый всталъ и, приблизившись къ патріарху, преклонивъ колѣно, положилъ голову свою на колѣно патріарху. Послѣдній, прочитавши надъ нимъ молитву, благословилъ его и тотъ, поцѣловавъ руку, сѣлъ. По прочтеніи Евангелія архидіаконъ отломилъ вѣтку отъ масличнаго дерева, запряталъ ее въ пазуху и слѣзъ съ амвона. Дерево же подняли на веревкѣ на верхъ стѣны и вѣроятно разломали для паломниковъ. Мы видѣли только какъ паломники бросились было къ дереву, но кавасы отстранили ихъ и дерево было унесено куда-то.

По окончаніи чина патріархъ пошелъ съ возвышенія, окропляя богомольцевъ цвѣтами. Снова затрезвонили колокола и захлопали и запѣли арабы еще съ большимъ воодушевленіемъ. Колокола будто измѣнили рѣчь свою, уже вызванивали: ни ко лай сам сонъ, а повторивъ такъ нѣсколько разъ, переходили на обратное: сам сонъ ни ко лай 3-жды, и потомъ ни ко лай 2, сам сонъ ни кол лай, сам сонъ 2, нѣсколько разъ перебирая и учащая темпъ.

Обѣдъ намъ приготовила Прасковья Ѳедоровна—картофельный супъ съ кореньями.

Вечеромъ въ 5 съ половиной часовъ мы пошли въ храмъ Воскресенія за 12-ть Евангелій. Кавасъ провелъ насъ въ олтарь, гдѣ насъ архимандритъ Каллистъ, изъ свиты патріарха Даміана, поставилъ у царскихъ дверей съ лѣвой стороны и всю утреню стоялъ съ нами, объясняя по-русски пѣваемое. Онъ обучался нѣсколько годовъ въ московской духовной академіи и объяснялся довольно хорошо по-русски. Екса псалмы читалъ самъ патріархъ, стоя на кафедрѣ своей, въ храмѣ, за правымъ клиросомъ, въ мантии соборной и клобукъ съ крестомъ. 1-е Евангеліе читалъ самъ патріархъ тамъ же, гдѣ стоялъ. Антифоны пѣли съ канонархомъ, псалты, а мальчики иногда только выговаривали слова, а болѣе тянули одну ноту. Перемѣна гласовъ замѣтна и для насъ. Сѣдальны также пѣли. Ектеніи не всегда говорили, а прямо „и о сподобитися“. 2-е Евангеліе по-славянски читалъ нашъ новый знакомый—о. Каллистъ-изъ царскихъ дверей—къ народу. Такъ и другіе читали, кромѣ послѣдняго, 11-го, которое читалъ на амвонѣ—вверху—архидіаконъ Клеопа; 3-е по-арабски, 4-е по-румынски, читали митрополиты; 5-е по-турецки—іеромонахъ, 6-е по-гречески—митро-

полить Деркосъ-Калинникосъ, 7-е по-арабски—митрополить Бейрутскій Герасимъ, 8-е греческій митрополить Варнскій Никодимъ, 9—11 греческіе іеромонахи, 12-е у грековъ въ это время не читается.

Пѣли вообще недурно. Въ особенности хорошо: „Се уже омакается трость осужденія“. По окончаніи утрени патріарха проводили на Голгофу, пригласивъ и насъ слѣдовать за митрополитами. Здѣсь патріархъ 1-й поклонившись три-жды, приложился къ мѣсту водруженія креста подъ престоломъ, а за митрополитами и мы поклонились Животворящему Кресту и приложились къ мѣсту, идѣже водруженъ былъ. Здѣсь были и Княгиня Ирина съ мужемъ—приложились и прошли мимо насъ.

Окончилась утренья около 9 часовъ вечера.

4-го, пятница. Въ 9 часовъ мы пошли за царскіе часы, которые служили на Голгофѣ. Стояли у лѣваго клироса, гдѣ подстелили намъ коврикъ. Читалъ одинъ монахъ часы и славу; пѣли по два—по три монаха, съ припѣвами на два лика, иногда помогая и др. лику, вѣроятно въ мѣстахъ болѣе чувствительныхъ. „Днесъ висить на древѣ“ прочелъ монахъ—пѣвецъ съ хорошимъ басомъ. Съ глубокимъ чувствомъ умиленія и со слезами на глазахъ поклонялись мы на словахъ: „поклоняемся страstemъ Твоимъ, Христе“, ибо это произносилось на мѣстѣ—гдѣ совершилось самое страданіе нашего Спасителя... Повторили этотъ стихъ и оба лика чаредуясь—по стихамъ. Спѣли очень хорошо. Послѣ сего профессоръ Афинскаго Университета ставши на табуретку, съ правой стороны (около престола) прочелъ горячую рѣчь на тему, что распятый на Голгофѣ Ісусъ Христосъ собралъ всѣхъ христіанъ поклониться сему св. мѣсту; перечислилъ множество странъ и городовъ и народностей. Мы поблагодарили его рукопожатіемъ и вручили свои карточки прося рѣчь его дать намъ на рускомъ языкѣ.

Здѣсь о. Каллистъ нашелъ насъ и объявилъ, что его блаженство, патріархъ Даміанъ, сейчасъ можетъ принять насъ. И мы, предводимые Каллистомъ, прослѣдовали въ патріархію. Встрѣтилъ насъ и принялъ верхнюю одежду черный (негръ) слуга; ввели насъ въ пріемную патріарха, гдѣ встрѣтилъ насъ самъ патріархъ, и привѣтствовалъ насъ цѣлованіемъ. На слова епископа Мелетія, что мы старообрядческіе епископы, отвѣтилъ, что очень радъ видѣть насъ,—архіереевъ старообрядческихъ, впервые заявившихся въ Іеросалимъ. Мы объяснили, что благодаря дарованной Государемъ Николаемъ Александровичемъ религіозной свободы мы получили возможность предпринять это путешествіе. И надѣемся, что за нами пойдутъ и др. Патріархъ спросилъ: много ли въ Россіи старообрядцевъ? Мы отвѣтили, что нашихъ—пріемлющихъ священство, до 10 милліоновъ, а всѣхъ—съ безпоповцами до 20 милліоновъ и что безпоповцы, благодаря свободѣ, стали колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ это время подали угощеніе на подносѣ, стаканы съ холодной водой и двѣ вазы съ вареньемъ и ложечки. Я взялъ было прежде стаканъ съ водой, но патріархъ сказалъ: „вы не знаете здѣшнихъ обычаевъ; это дѣлается такъ:“ при этомъ взялъ ложечку варенья въ ротъ и поло-

жилъ ее въ вазочку въ др. отдѣленіе, потомъ взялъ стаканъ съ водой и сталъ прихлебывать. Мы повторили тоже. Затѣмъ подали по маленькой рюмочкѣ вина краснаго, но довольно крѣпкаго. Принялъ и патріархъ и чокнувшись пожелалъ намъ здоровья и выпилъ полрюмочки. Послѣ сего подали намъ по чашечкѣ кофе—безъ сахара.

Между этого разговоръ продолжался; я поинтересовался: почему патріархъ знаетъ русскій языкъ и свободно на немъ объясняется?—„Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, я мало знаю, вотъ епископъ (Іорданскій) Мелетій знаетъ болѣе“.

Тотъ объяснилъ, что жилъ въ Россіи годовъ 14. Патріархъ спросилъ: „нравится ли намъ Іерусалимъ?“ Мы отвѣтили, что кромѣ храма Воскресенія еще нигдѣ не были.—„Какъ понравился намъ чинъ омовенія ногъ“, спросилъ онъ.—Мы сказали, что очень хорошо, но непріятное впечатлѣніе на насъ произвелъ шумъ и хлопаніе въ ладоши арабовъ.

Патріархъ говоритъ, что обычай этотъ древній и трудно уничтожить его. Я высказалъ, что вѣроятно его блаженство очень утомился? Да, не легко управлять патріархіей, гдѣ много разныхъ національностей и разновѣрцевъ. Въ особенности евреи берутъ засилье и раскупаютъ земли въ Іерусалимѣ. На вопросъ о числѣ жителей онъ объяснилъ, что всего 110 тысячъ: Грековъ до 20 тысячъ, Евреевъ до 70 и др. до 20 т.

Поблагодаривъ его блаженство за привѣтъ, мы распростились съ нимъ, при чемъ онъ опять расцѣловался со всѣми нами и на наше пожеланіе осмотрѣть и поклониться святынямъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, указалъ на о. Каллиста, сказавъ, что о. Каллистъ все покажетъ вамъ. Уходя мы замѣтили икону надъ выходной дверью и поклонились три-жды Нерукотворенному Образу. Вышли, простившись съ епископомъ Мелетіемъ цѣлованіемъ, а Каллистъ цѣловалъ намъ руку.

Въ 2 часа въ храмъ Воскресенія началась вечерня: служилъ іеромонахъ и два діаконъ. Патріархъ стоялъ на своемъ мѣстѣ въ соборной мантии. 2 діаконъ, во время пѣнія „Господи воззвахъ“ (пѣли очень рѣдко, для okazdenія) надѣли на себя, кромѣ стихарей и орарей протодіаконскихъ, еще въ родѣ короткихъ патрахилей—во всю ширину груди, спускающіяся спереди ниже пояса, а сзади на четверть, бархатныя, отороченныя газомъ, съ вышитыми херувимами, взявъ въ лѣвыя руки на эту „патрахиль“ малыя церквицы, съ тремя главами, вызолоченныя. Это бываетъ только въ этотъ день. Кадили они вмѣстѣ всю церковь, Голгофу и Гробъ Господень. Со свѣщами предъ ними не ходили. На выходъ съ Евангеліемъ еще облачилось въ патрахили и ризы нѣсколько іеромонаховъ и діаконъ,—всѣ въ черныя ризы.

„Свѣте тихій“ пѣли древнимъ напѣвомъ, очень рѣдко, одно духовенство—половину на сходѣ, а вторую половину вшедши въ олтарь. Мотивъ очень хорошій, напоминающій—путевое, старообрядческое. Евангеліе читалъ въ олтарѣ, въ царскихъ дверяхъ—къ народу іеромонахъ или архимандритъ.

По входѣ разоблачились всѣ, кромѣ одного служащаго и 2-хъ діаконовъ. Кончилась вечерня въ 4 часа.

Въ 8 часовъ вечера начали утреню на „боготѣлесное погребеніе“. Екса-псалмы читалъ патріархъ стоя на своемъ мѣстѣ. Каѳизму и канонъ пѣли на оба лика пѣвчіе, съ канонархомъ мальчикомъ, сказывавшимъ вполголоса. Послѣ славословія, къ крестному ходу съ плащаницею облачился (въ олтарѣ) патріархъ и 4 митрополита и съ маленькими Евангеліями въ окладѣ взошли на Голгофу; облачилось много и духовенства. Плащаница вышитая, древняя (безъ рамки) была возложена на престолъ на Голгофѣ; на ней насыпаны были цвѣты. Послѣ чтенія Евангелія о. Леонидъ, съ русскаго подворья, сказалъ съ высоко устроенной кафедры на сторонѣ слово о распятіи, при чемъ часто указывалъ на крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа, стараясь подѣйствовать на слушателей видомъ распятаго, окровавленнаго и посинѣвшаго Господа. Послѣ сего четыре митрополита взяли плащаницу за углы и возложивъ на плечи понесли за духовенствомъ предъ патріархомъ, который пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ. На патріархѣ было темное бархатное облаченіе, вышитое серебромъ. На омофорѣ изображены: распятіе и снятіе со креста, на палицѣ положеніе во гробъ. Всѣ держали свѣщи зажженные, дали и намъ длинныя фунты въ два вѣсомъ. Когда спустились съ Голгофы на средину церкви, начальство—консуль и др. лица насъ оттерли отъ патріарха. При пѣніи „агіосъ оеосъ“ и др. пѣснопѣній обошли кувуклію (противъ солнца). Впереди шли кавасы въ фескахъ и съ оружіемъ (кривая, огромная сабля въ ножнахъ чрезъ плечо), постукивая тяжелыми булавами въ каменный полъ, очищая дорогу крестной процессіи. Народъ наполнялъ не только всю церковь, но и всѣ хоры, ниши и лѣстницы. Въ нѣкоторыхъ нишахъ, особенно противъ армянскихъ и сиріанскихъ олтарей сидѣли и лежали на подушкахъ мужчины и женщины съ дѣтьми, а нѣкоторые и спали, расположившись какъ дома. Для прохода процессіи по обѣ стороны стояли турецкіе солдаты въ фескахъ и съ ружьями.

Когда процессія спускалась внизъ какой-то молодой человѣкъ—грекъ, или крещеный жидъ—поддерживалъ меня на лѣстницѣ, что увидалъ іеромонахъ и съ гнѣвомъ оттолкнулъ его: вѣроятно зналъ—кто и съ какимъ намѣреніемъ поддерживалъ меня. По спускѣ съ Голгофы и по обхожденіи, кувукліи плащаницу возложили на „камень миропомазанія“, а потомъ послѣ пѣнія внесли и возложили на гробъ, какъ бы погребли его. Вообще весь этотъ чинъ очень трогателенъ: онъ наглядно показывалъ восхожденіе Христа на Голгофу, на крестъ, снятіе со креста, помазаніе и погребеніе. Религіозное чувство нарушалось только небрежнымъ несеніемъ плащаницы и турецкими солдатами въ фескахъ и съ ружьями, да еще пѣніемъ съ боковъ и сзади кувукліи католиковъ, армянъ и коптовъ.

По внесеніи въ кувуклію и возложеніи плащаницы на Гробъ Господень насъ было оттерли отъ патріарха, какъ я уже говорилъ. Но іеромонахъ, съ помощію каваса, провелъ насъ и поставилъ съ лѣвой стороны у

двери кувукліи. У самой двери справа стояли: консуль съ женой, или съ дочерью и др. начальствующія лица, а мы напротивъ—съ лѣвой. Предъ концомъ чина намъ сказали, что если мы желаемъ приложиться къ гробу и плащаницѣ, то чтобы шли за митрополитами, что мы и исполнили. Съ глубокимъ чувствомъ умиленія, со смиреніемъ проникнули мы въ пещеру погребенія—и со слезами молясь о своихъ согрѣшеніяхъ, мысленно поминая родныхъ и близкихъ, цѣловали живоносный Гробъ Господень и плащаницу. Взяли съ послѣдней цвѣтовъ на освященіе и вышли изъ кувукліи, благодаря Господа, сподобившаго насъ грѣшныхъ видѣть это торжественно-скорбное шествіе, поклониться и цѣловать живоносный гробъ Его. Послѣ насъ пошли прикладываться духовенство и начальствующіе. Кончилась утренняя около часа ночи.

5-го Апрѣля, Суббота Великая.

Въ 11 часовъ дня прошли въ олтарь, въ который провели насъ кавасы. Здѣсь масса уже духовенства, нѣкоторые сидѣли на нашемъ обычномъ мѣстѣ,—около царскихъ дверей; но іеромонахъ (имени его, къ сожалѣнію, не узнали), который всегда ставилъ насъ на лучшее мѣсто, приказалъ освободить для насъ мѣсто. Одинъ старый архимандритъ воспротивился было, ссылаясь, что онъ изъ Константинопольской патріархіи. Но нашъ іеромонахъ строго и настойчиво требовалъ дать намъ мѣсто, повторяя: „епископъ, епископъ;“ и архимандритъ покорился. И хотя послѣ мы просили его сѣсть рядомъ съ ними, такъ и не сѣлъ. Русскіе священники при этомъ злобно посматривали на насъ. Окруживъ престолъ, они сидѣли на его возвышеніи, о нѣкоторые стоя—опираясь на него. Набилось и мірянъ много, такъ что іеромонахъ-еклессіархъ вынужденъ былъ гнать ихъ, а съ ними и русскихъ священниковъ, ропщущихъ: „стало быть мы недостойны“...

Въ 12 часовъ вошелъ въ олтарь патріархъ безъ облаченія; приложившись къ Евангелію и престолу и отвѣтивъ кивкомъ головы (не благословляя, что не видѣли и ранѣе), сѣлъ на правой сторонѣ, сосредоточенно поникнувъ головой. Минуты предстояли для него трудныя: быть можетъ совѣсть говорила противъ этой церемоніи (а иные называютъ комедіей) „святаго огня“, который въ дѣйствительности не сходитъ; а съ другой стороны—ожиданіе св. огня многими тысячами народа и вѣками установившійся обрядъ требовалъ его совершенія.

Начался трезвонъ, по обычаю; но ранѣе только въ деревянное било, теперь же съ присовокупленіемъ и желѣзнаго. Мотивъ тотъ же почти. Чрезъ нѣсколько времени темпъ учащался все болѣе и болѣе... Ожиданіе, подъ этотъ своеобразный трезвонъ, начинало надоѣдать. Оказалось—ждали прихода армянскаго патріарха (викарія). По его приходѣ патріархъ Даміанъ расцѣловался съ нимъ и посидѣвъ съ минуту пошелъ въ ризницу наверхъ облачаться. Въ это время стали выдавать хоругви и очей небрежно! Выдавали чрезъ царскія двери (затворенныя—у грековъ они очень низкія), какіе-то „молодцы“, въ родѣ лодочниковъ,—въ однѣхъ рубахахъ, съ крикомъ. Какъ-то зацѣпили за шнурокъ завѣсы и „молодецъ“, ничто же сумня-

ся, влѣзъ на двери и отцѣпивъ сталъ подавать слѣдующія, стоя на дверяхъ одной ногой.

Наконецъ патріархъ облачившись вышелъ изъ олтаря съ митрополитами и др. духовенствомъ; при пѣніи „Воскресеніе Твое Христе Спасе,“ обошли трижды кувуклію и остановились предъ дверьми часовни Воскресенія. Народу было биткомъ: въ церкви, на хорахъ, на карнизахъ и у каждого человека пучки (большою частію по 33) свѣщей. Намъ дали отъ патріарха пучки въ 13 свѣщей, въ палецъ толщиной. Поставили насъ на возвышеніе у престола (согнавъ поповъ), лицомъ противъ кувукліи. Но мы съ епископомъ Мелетіемъ хотя и видѣли кувуклію (т.-е. часовню Воскресенія), но за дальностію подробностей видѣть не могли. Наши же товарищи пробрались ближе къ дверямъ кувукліи и видѣли болѣе подробно. По ихъ словамъ прежде еще выхода патріарха изъ олтаря турецкія власти, съ участіемъ армянскаго и другого духовенства, осмотрѣли гробъ и вышедши заперли двери и запечатали перекрещенные два шнурка, вдѣтые въ кольца. Послѣ троократнаго обхожденія патріархъ предъ дверьми кувукліи разоблачившись остался въ одномъ подризникѣ. Начальство сняло печать и патріархъ вошелъ внутрь съ книжкой въ рукахъ. Огня нигдѣ не было. Намѣстникъ патріарха армянскаго также пытался войти внутрь, но турецкія власти не пустили его, чѣмъ вызвали протестующіе возгласы армянскаго духовенства*).

*) Также происходило и въ XVII вѣкѣ.

Въ 1651 году 29 октября въ Путивль пріѣхалъ Колосія города монастыря св. Николы чудотворца митрополитъ Михаилъ, 21 ноября митрополитъ съ спутниками прибылъ въ Москву, гдѣ былъ милостиво принятъ государемъ.

Въ 1654 году митрополитъ Михаилъ былъ отпущенъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ, вслѣдствіе даннаго имъ обѣта. Въ сентябрѣ 1657 года онъ возвратился назадъ и далъ 11 декабря въ Посольскомъ приказѣ слѣдующее показаніе о своемъ путешествіи. *О явленіи святаго огня* митрополитъ Михаилъ разсказалъ слѣдующее: въ Великую субботу передъ вечернею, какъ пришло время итти въ самый Гробъ Господень намѣстникъ патріаршій и онъ, митрополитъ, ходили олоко палатки трижды съ незажженными свѣщами. Намѣстникъ одинъ вошелъ внутрь гроба и хотя давалъ митрополиту почестъ немалую турчину, чтобы ему взойти въ Гробъ съ намѣстникомъ, но тотъ заказалъ турчанамъ, чтобы причъ его не впускать во Гробъ ни митрополита, ни кого-либо иныхъ, и далъ за то почестъ туркамъ большую. Намѣстникъ, взойдя внутрь Гроба одинъ, затворилъ за собою двери, былъ тамъ съ полчаса и вынесъ съ собою свѣчи зажженные, говоря, что онѣ засвѣтились отъ Гроба Господня дѣйствіемъ св. Духа и раздавалъ свѣщи сіи митрополиту, армянскому патріарху и прочимъ людямъ. Я попробовалъ, замѣчаетъ митрополитъ, испытать огонь сей и онъ такъ же опаляетъ, какъ и всякій вещественный огонь; а какимъ образомъ у патріаршаго намѣстника возжегся огонь у Гроба Господня, не вѣдаетъ, потому что, прибавляетъ митрополитъ, меня туда не пустили, и уже только по выходѣ намѣстника входилъ онъ съ другими на поклоненіе. (И. Каптеревъ: „Пріѣздъ въ Москву за милостыней сербскихъ іерарховъ“. „Приб. къ твор. свв. Оо.“. Ч. 48, стр. 482-484).

Арабы, по обычаю, кричали и хлопали въ ладоши какъ до крестнаго хода, такъ и до входа патріарха въ кувуклію. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ и вдругъ надъ кувукліей взвился пукъ зажженныхъ свѣщей и еще чрезъ мгновеніе въ олтарь вбѣжалъ „молодецъ“ съ пукомъ горящихъ свѣщей. Всѣ кинулись зажигать отъ его огня, — началась чуть не свалка. Пока мы успѣли зажечь свои свѣщи, въ церкви запылали повсюду уже пучки свѣщей; патріархъ чуть не бѣгомъ влекомый молодцами прошелъ въ олтарь и скрылся въ ризницѣ. Какъ выходилъ онъ изъ кувукліи мы не видѣли; но о. Діонисій говоритъ, что вышедши изъ дверей онъ осѣнилъ народъ обѣими руками, въ коихъ держалъ по пуку зажженныхъ свѣщей и тотчасъ побѣжалъ. Варнскаго же митрополита Никодима молодецъ вынесъ буквально на своей спинѣ. Шумъ народа, крикъ арабовъ, масса огня и дыма! Многіе гасили свои пучки свѣщъ бумагой и ватой и опять зажигали до 3-хъ разъ. Этимъ церемонія и закончилась. Патріархъ разоблачившись тотчасъ же ушелъ къ себѣ.

Чрезъ полчаса началась вечерня и литургія. Служилъ митрополитъ Оаворскій. „Да молчитъ всяка плоть“ спѣли очень хорошо, тихо и плавно, напоминающее нашъ напѣвъ. Пареміи читали не всѣ. Хорошо спѣли „Свѣте тихій“ — однодуховенство: 1-ю половину въ церкви, а 2-ю въ олтарѣ.

Забылъ я сказать какъ вносили хоругви обратно въ олтарь, послѣ крестнаго хода вокругъ кувукліи. Если „молодцы“ не соблюдали никакого приличія при выдачѣ ихъ, то вносили еще безобразнѣе: задѣвали за двери, за рѣзбу, гнули и ломали кресты... И это при ихъ одѣянніи — въ рубашкахъ и штанахъ, шириной съ Черное море...

О св. огнѣ — какъ онъ получается — мы, конечно, не можемъ сказать, ибо не могли этого видѣть. Отъ нѣкоторыхъ лицъ, — напримѣръ отъ о. Сергія саратовскаго (въ Яфѣ) и о. Іоанна на Тиверіадѣ, слышали вообще осужденіе грѣховъ за этотъ огонь, выдаваемый ими за спедшій съ неба: „зачѣмъ они обманываютъ простой народъ, говорили они, когда въ дѣйствительности онъ, огонь, не съ неба сходить, а патріархъ зажигаетъ отъ неугасимой лампы, скрытой за иконой Воскресенія.“ Подобное я читалъ, кажется, въ „Ист. Вѣстн.“ если не ошибаюсь, путешествіе Селивановой, которой говорилъ какой-то митрополитъ то же самое, но съ поясненіемъ, что огонь дѣйствительно однажды сошелъ въ XI или XII вѣкѣ, и отъ этого-то огня теплится неугасимая лампада, тщательно замаскированная, въ ней и поддерживается огонь. Открыть это народу, — опасаются ухода поголовно всѣхъ арабовъ въ магометанство. Но для насъ, вѣрующихъ, дорого и это, что огонь нашихъ свѣщей въ этотъ моментъ былъ воженъ отъ лампы, горячей на Гробѣ Господа, Который есть Самъ „Свѣтъ, просвѣщаяй всякаго человека, грядущаго“ къ Нему съ искреннимъ сердцемъ и теплою вѣрою. Уѣзжая изъ Іеросалима мы въ поѣздѣ видѣли молодого араба со средоточеннымъ лицомъ и серьезнымъ взглядомъ, везшимъ св. огонь въ особо устроенномъ фонарѣ, въ которомъ имѣлись четыре фитиля, изъ которыхъ

поочереди два горѣли, а два заправлялись: съ какимъ тщаніемъ онъ охранялъ этотъ фонарь, не давая ему колыхнуться при движеніи повѣзда и платкомъ закрывая его отъ вѣтра. Сколько будетъ у него радости, если онъ довезетъ его до мѣста назначенія! А тѣ люди, которые послали его за этимъ св. огнемъ, что почувствуютъ при видѣ огня, который возженъ отъ огня на Гробъ Господнемъ; съ какою радостію возжгутъ и они отъ него свои лампы предъ святыми иконами и будутъ тщательно поддерживать его горѣніе. Нельзя отрицать, что не только ихъ лампы, но и сердца ихъ будутъ горѣть любовію къ Спасителю,—„насъ ради распятаго, погребеннаго и въ третій день воскресшаго.“

6-го Апрѣля. Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Въ 12 часовъ ночи, послѣ звона въ била—деревянное и желѣзное, за-
благовѣстили въ колокола и началась Утреня. Облачился самъ патріархъ въ
дорогой бѣлый саккосъ, возложилъ омофоръ съ вышитыми изображеніями
Христова Воскресенія, а также и палицу и митру драгоцѣнную; облачились
и митрополиты въ блистающіе саккосы, но безъ митръ, а въ клобукахъ съ
креповыми кафтырями (по нашему названію); облачилось и прочее духо-
венство. Начали канонъ „на боготѣлесное погребеніе“. Пѣли ирмосы и
стихи очень медленно по-клиросно, по обычаю. По окончаніи канона зажгли
массу лампадъ, всюду развѣшанныхъ; всѣ держали свѣщи въ рукахъ. На-
родъ заполнилъ всѣ возможные мѣста, стояли даже на лѣстницахъ, на кар-
низахъ и въ нишахъ. Дали и намъ, какъ и митрополитамъ, большія свѣщи,
не менѣе аршина длиной. Патріархъ, сказавъ намъ: „идите за мной“,
вышелъ изъ царскихъ дверей со всѣмъ духовенствомъ—въ церковь. Мы по-
слѣдовали за патріархомъ. Но среди церкви насъ, какъ и за плащаницей,
оттерли: консулъ съ Великой Княгиней и ея мужемъ и другія начальствующія
лица, ловко развернулись и послѣдовали за патріархомъ, охраняемые каво-
сами, а за ними уже и мы пошли, тѣснимые народомъ. Патріархъ запѣлъ:
„Воскресеніе Твое Христе Спасе;“ за нимъ запѣли всѣ—духовенство и пѣв-
цы и пошли вокругъ часовни Воскресенія Христова (кувуклія—тожъ), между
рядами турецкихъ солдатъ съ ружьями. Минуты эти трудно забыть! Съ
чувствомъ радости и благодаренія къ Воскресшему слѣдовали мы въ этой
процессіи среди многихъ тысячъ молящагося народа, среди массы свѣта отъ
лампадъ и свѣщей. Послѣ троекратнаго (противъ солнца—конечно) обхожде-
нія, патріархъ съ митрополитами, держащими маленькія, въ позолоченныхъ
окладахъ, Евангелія, сталъ у дверей кувукліи и, послѣ кажденія, запѣлъ съ
духовенствомъ: „Христосъ анести эк некронъ“ т.-е. „Христосъ воскресъ изъ
мертвыхъ“. При этомъ чувствовалось такое воодушевленіе, что трудно пе-
редать словами. „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“,—эти слова впервые
возгласилъ ангелъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, возвѣщая мѣроносицамъ радостную
вѣсть. Здѣсь совершилось это великое и отъ вѣковъ неслыханное чудо: по-
зорно распятый на крестѣ и погребенный мертвецъ Своею божественною
силою со славою воскресъ изъ мертвыхъ. При пѣніи „Христосъ анести“ хо-